

Уральский рабочий

г. Свердловск

Театр чтеца

ЭПОС О БОЙЦЕ

Н А ЭТОТ концерт я шел с опаской. Как можно из огромного эпического полотна вывести ниточку из нескольких эпизодов, не потеряв целого! И еще одно опасение было: мужская, словно из необожженных кирпичей сложенная, проза Симонова и — женщина, читающая ее?

Но вот на сцену, слегка подсвеченную багровыми бликами, выходит чтица Свердловской филармонии Тамара Воронина. В ее внешнем облике нет копирования женщин-фронтвилок, только строгий зеленый свитер, широкий пояс и серая юбка настраивают на связь времен. И началось повествование о трудной судьбе политрука Ивана Синцова: ранение, потеря документов, плен, побег из плена, прорыв к своим...

Я не знаю, знакомилась ли Т. Воронина с большой критической литературой о «Живых и мертвых» Симонова. Но объективно она вступила с нею в полемику. Причем, по самому больному вопросу. В абсолютном большинстве критических работ образ Синцова объявлен «проходным», нужным только для связи эпических событий. За Синцовым не признают индивидуальности, духовного развития. Композиция Тамары Ворониной все это опровергает. Собрав воедино в зримую цепь историю Синцова, актриса показала, как, добившись возвращения на фронт, Синцов «привык к трудной, но гордой мысли», что все в его судьбе зависит от него, Синцова. И что все, что будет со страной, тоже зависит от него и таких, как он.

Так в композиции Т. Ворониной Синцов выступает как один из тех миллионов живых и мертвых, что отстают Родину. В духовном его становлении персонифицировался мучительный и решающий процесс роста самосознания всего народа в годину тяжелых испытаний. Зрелостью народного самосознания мы и победили — такова общая концепция эпического полотна Константина Симонова. С ней вполне созвучна композиция Тамары Ворониной.

Как читает артистка Симонова? Ведь фраза у него непритязательна, порой даже монотонна. И в этом есть свой смысл. Так же, как был смысл в том, чтоб авторский текст в фильме «Живые и мертвые» читал сам писатель. Он читал глуховатым, неартистическим голосом, картавя. Но за этой прозаичностью тона был кровоточащий исторический материал. Каждый эпизод и каждая судьба потрясали открытием того, о чем мы еще не знали. Но со времени публикации романа «Живые и мертвые» прошло 18 лет. Теперь мы знаем об Отечественной войне и о ее начальном периоде неизмеримо больше, чем в шестидесятом году. И это меняет освещение материала романа.

Тамара Воронина читает хронику Симонова как эпос о простом советском человеке, выносит на поверхность неброский героизм живых и мертвых, говорит о них широким голосом. Наверное, в этом есть своя закономерность: чем дальше в прошлое отодвигаются события Великой Отечественной войны, тем сильнее их будет овеивать ореол героического эпоса.

Конечно, композиция еще в работе. Возможно, артистка будет кое-что менять в ней. Например, искать наиболее емкое и выразительное начало: тут все же не обойтись, наверное, без широкого симоновского показа событий «Живых и мертвых». Есть в исполнении элементы излишней мелодраматизации. Видимо, Т. Ворониной надо тщательно продумать «драматическую скупость жеста» — это поможет сделать совершеннее художественную форму концерта.

Н. ЛЕЙДЕРМАН,

кандидат филологических наук.